

«НА КАЖДУЮ
ЗВЕЗДУ
ЗАВЕДЕНО ДОСЬЕ...» 23

Фрагмент из нового романа
Терри Пратчетта

ТЫСЯЧА
ЛИЦ
ПЕРСОНАЖА
7

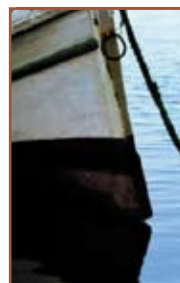
В ПОИСКАХ
ПОСТСОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
19

#22
(2292)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ПЛАЧ
ТОЛСТОЙ
ДЕМОНИЦЫ

Психологическая проза
Элизабет Страут

5 С ЧЕМ
ЕДЯТ
ИШКЕМБЕ

Лев Минц
рассказывает

16 БЕСШАБАШНЫЙ
ЧЕЛОВЕК
ИЗ ЗЕРКАЛА

Миры
Корнелии Функе

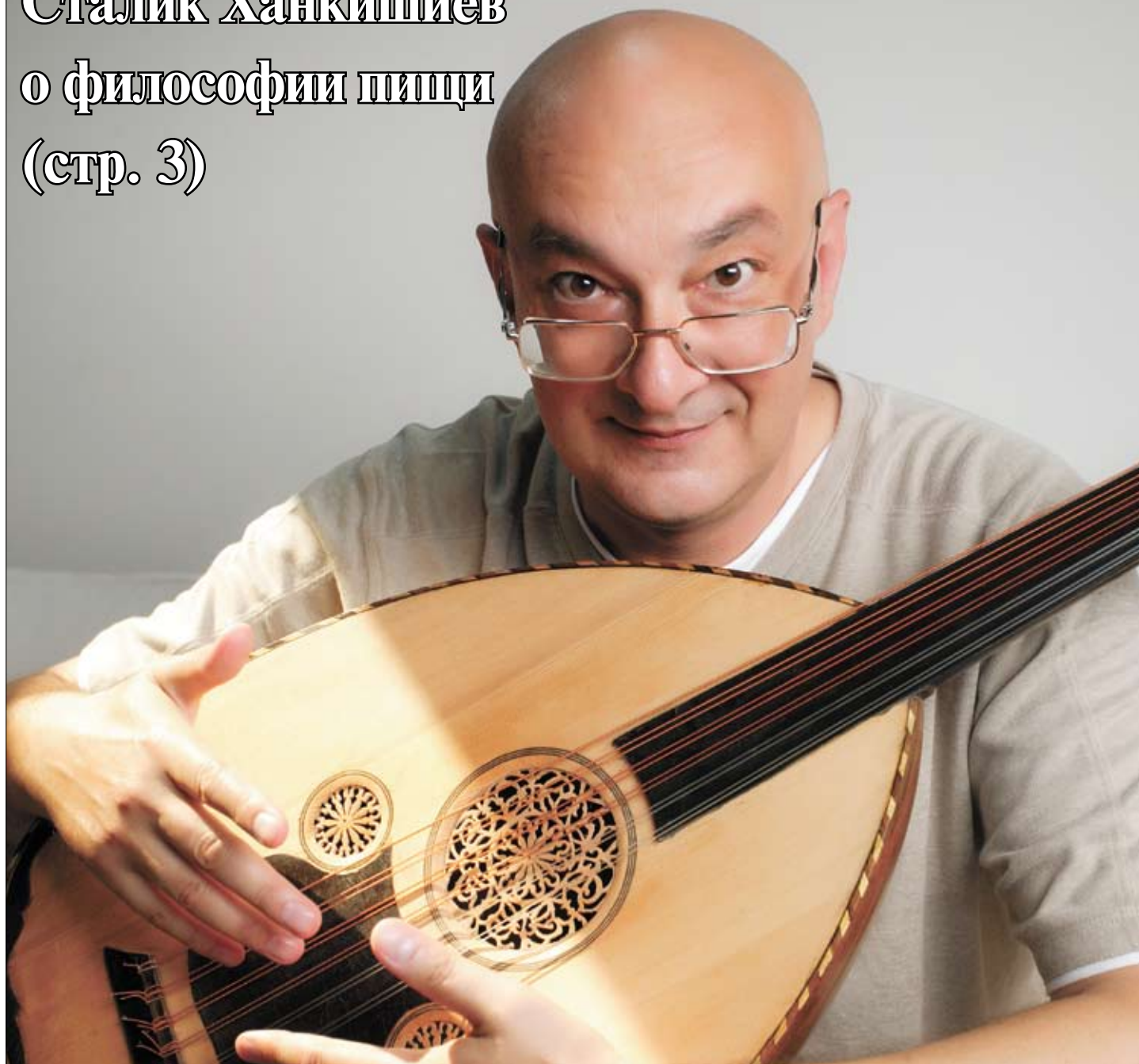
НОВОСТИ

Девятка уникальных

Отвлечь внимание от плохой погоды и привлечь его к просвещению — дело нелегкое, но приятное. Взяться за него 28 сентября — в день объявления «короткого списка» литературной премии «Просветитель-2010» — было решено ее основателем, президентом Фонда некоммерческих программ «Династия» Дмитрием Зиминим, а также членами жюри и сопредседателями. В шорт-лист вошли 9 книг: 4 из гуманитарного блока и 5 из естественно-научного. О каждой из них, представляя собравшимся на пресс-конференции журналистам, рассказывали довольные и по большей части восхищенные судьи. «Математики — это люди, которые всю жизнь сталкиваются с абсолютными истинами. Некоторые из них и сами становятся носителями абсолютных истин. Вл. Успенский, написавший "Апологию математики", — фигура абсолютно уникальная», — так об одном из победителей отозвался поэт и педагог Евгений Бунимович. Книга Маркова «Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы» также была названа «уникальной». Как и другая, заменяющая, по словам лауреата 2009 года Леонида Пономарева, «библейскую версию происхождения земли», — «Устройство нашей вселенной» С. Рубина. «Героев, злодеев и конформистов Российской науки» Симона Шноля, также вошедших в число лучших, председатель жюри Юрий Рыжов назвал «не только книгой биографий и судеб, но и историей России досоветского и советского времени». «Путешествия к Луне» В. Сурдина жюри не сочло гениальной книгой, однако «все же прекрасной для "короткого списка"» благодаря невероятному количеству «потрясающих и захватывающих подробностей». Что касается гуманитарного блока, то в него вошли «Заметки о любительской лингвистике» А. Зализняка, «1000 лет озарений» С. Иванова, книга А. Немзера «"Красное колесо" Александра Солженицына. Опыт прочтения» и «Япония: лики времени» А. Прасола.

Вкусный текст

Сталик Ханкишиев
о философии пиццы
(стр. 3)

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:
Наш колумнист Александр Ливергант об Институте перевода;
Издатели о рынке детской книги

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 15 октября с. г.

НОВОСТИ

КНИГА НЕДЕЛИ

Между фактом и смыслом

Только история началась, как наблюдательные и романтические по всему миру стали сравнивать ее с рекой или дорогой, которые тоже где-то берут начало, а в конце обязательно куда-то приведут. Вот и на нее смотрят как на процесс, в котором есть две точки — исходная и конечная. Они отдают на растерзание философам, промежуток между ними — историкам. «Историк-документалист работает ради историка-философа», — писал человек, объединявший в своем лице черты обоих. Точнее, не писал, а надиктовывал: Лотман завершил работу над этой книгой в конце жизни, когда после перенесенного инфаркта мозга не мог писать сам. Прежде не выходившая, она восстановлена по вариантам рукописей и архивным материалам.

История здесь — одна из многочисленных героинь (наряду с культурой, толпой, наукой, модой). Рассматривая ее как «синтез факта и смысла», можно, без сомнения, утверждать, что труды самого учено-

Лотман Ю. Непредсказуемые механизмы культуры. TLU Press. — Таллинский университет, 2010. ISBN 978-9985-58-697-6

го посвящены поиску смысла. Эта книга тоже. Однако она, кроме того, исследует еще и сам процесс поиска. Лотман убеждает: чтобы понять смысл, надо понять язык, потому что «тайна истории — это загадка ее языка». Один из основателей Тартуско-московской семиотической школы, он рассказывает, как рождалась наука о природе и передаче информации: вспоминает Гуковского (которого называет Моцартом), Пиксанова (Сальери) и Десницкого (говорят, с него Горький «списал» характер Клима Самгина). Хотя гораздо больше Лотмана интересуют имена литературные, взятые, разумеется, из русской истории. Карамзин, Чаадаев, Пушкин, Герцен — они нужны ему как доказательства, как жизненные примеры той практической и мировоззренческой программы, которую он выстраивает. А от вас требуется полная сосредоточенность — иначе картина не сложится. Лишь при внимательном и неторопливом чтении вы вдруг с детской гордостью обнаружите, что, кажется, эта система — огромная, сложная, разнообразная, красивая и до краев полная внутренних резервов — начинает обретать контуры.

Вера Бройде

Невмещающийся писатель

Умер Борис Фальков, прозаик, поэт, пианист. Человек, о котором трудно говорить, — уж больно необычен масштаб его личности и дарования. Человек непростой личной и писательской судьбы. Невписывавшийся и невмещающийся в свое время в замелькавшие, ускорившиеся времена.

О Фалькове-писателе можно говорить, казалось бы, противоположное. Можно сказать, что он авангардист, а можно, что консерватор. И то и другое будет правдой. Ибо он всеобъемлющ. Из тех писателей, что есть ствол литературы, а не ее ветвь. И простой и сложный, и изящный и глубокий. Писатель удивительной точности слова и точности мысли.

Борис Фальков умер в Мюнхене, в Германии, куда он выехал из Советского Союза в 1986 году, в начале перестройки, из несвободной, подцензурной тогда страны. Член германского центра международного ПЭН-клуба, автор многих опубликованных романов, повестей, новелл, двух поэтических книг, рассказов, статей, эссе. Переведен на несколько языков.

Мир, в котором был Фальков, и мир, в котором его уже нет, — два разных мира, как ни пафосно и вместе с тем банально это звучит. По крайней мере, это так для знавших его людей. Другим же людям, его настоящим и будущим читателям, остается только радость открытия писателя. Готов к печати самый объемный роман Бориса Фалькова «Миссионжник», законченный им за месяц до скоростистой смерти, наступившей 16 сентября в результате неизлечимой болезни на 64-м году жизни.

Кофемолка года

16 сентября состоялась седьмая церемония вручения премии «Люди года GQ». Она присуждается по итогам читательского голосования в США, Великобритании, Германии и России. В России писателем года стал Михаил Идов, известный журналист, автор романа «Кофемолка», вышедшего в издательстве «Согрус» в октябре 2009 года. Роман был написан по-английски и увидел свет в одном из самых знаменитых американских издательств «Farrar», «Straus & Giroux». На русский язык «Кофемолку» перевел сам автор при участии своей жены Лили Идовой. Еще до того, как аудитория журнала «GQ» приняла это бесспорно справедливое решение, книгу успели оценить российские читатели — уже третий тираж романа вот-вот появится в книжных магазинах.

«Неприличный» Мильтон

В архивах Оксфордского университета обнаружили эротическую поэму, автором которой значится Джон Мильтон. Рассуждающий о свойствах женского сексуального темперамента, «Экспромт о вязанке хвороста» был напечатан в «Оксфордском и Кембриджском альманахе поэм», изданном в 1708-м году, через 34 года после смерти великого поэта-пуританина. Большинство экспертов склоняются к тому, что находка — поделка, сочиненная политическими противниками Мильтона с целью скомпрометировать его.

Издания, отрецензированные в номере

Алиса в стране чудес. В стране чудес Алисы	24
Аткинсон К. Преступления прошлого	17
Барикко А. Эммаус	4
Болгарин И. Расстрельное время	15
Босоногий Доктор Жизнь: Зарядное устройство	9
Брюкнер П. Парадокс любви	9
Гиллард Л. Увидеть звезды	9
Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения	9
Дашвар Л. Молоко с кровью	15
Дэвис Р. Пятый персонаж	7
Ермакова А. Точка радости	15
Кельман Д. Измеряя мир	7
Кирьянов О. Наблюдая за корейцами	5
Корнилова К. Рекламно-справочные издания в истории российской журналистики.	9
Куликова Г. Уволить секретаршу	15
Лилиенкорн Д. Фон Избранные стихотворения	9
Мантел Х. Чернее черного	4
Мартьянов А. Вестники времен	15

Махов С., Созаев Э. Борьба за испанское наследство	15
Минц Л. Придуманные люди с острова Минданао	5
Митрев П. Веслом по фьорду!	15
Митрофанов Г. Городские прогулки: Калуга. .	8
Монастырский А. Поэтический сборник	6
Мурадова А. Кельты анфас и в профиль	5
Оборин Л. Мауна-Кеа	6
«Рим совпал с представлением о Риме...»: Италия в зеркале стипендиатов Фонда памяти Иосифа Бродского	6
Рослунд А., Хелльстрем Б. Изверг	17
Сергеева-Клятис А., Смолицкий В. Москва Пастернака.	8
Страуд Дж. Тайный огонь	16
Страут Э. Оливия Киттеридж	4
Функе К. Бесшабашный	16
Ципоруха М. Под черным флагом.	8
Чернин В. Ближневосточный фронт	9
Шильник Л. Удивительная история освоения Земли	15
Штайнер Р. Влияние духовных сил на ход истории	9

Длинный нос

Обнародован «длинный список» литературной премии НОС, ратующей за «выявление и поддержку новых трендов в современной художественной словесности на русском языке». За право попасть в финал будут бороться 19 претендентов: Валерий Хазин (Двухтомник: «Труба». Повесть. «Глоссарий к повести «Труба»; «Девять вечеров и еще один вечер». Повесть. Рассказы. Эссе), Владимир Шаров («Искушение Революцией»), Герман Садулаев («Шалинский рейд»), Владимир Сорокин («Метель»), Маргарита Хемлин («Клоцворг»), Виктор Пелевин («Т»), Михаил Эпштейн, Сергей Юрьенен («Энциклопедия юности»), Лидия Головкина («Сухановская тюрьма»), София Вишневская («Антре. История одной коллекции»), Евгений Водолазкин («Соловьев и Ларионов»), Александр Иличевский («Перс»), Максим Осипов («Грех жаловаться»), Всеволод Бенигсен («Раяд»), Павел Пепперштейн («Весна»), Василий Авченко («Правый руль»), Эдуард Абубакиров, Евгений Стрелков, Вадим Филиппов («Выше дальше ниже. Новейшие опыты краеведения Поволжья»), Олег Гладов («Мужчина, которому можно»), Алексей Иванов («Хребет России»), Павел Нерлер (при участии Н.Побоя и Д.Зубарева) («Слово и Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений). «Короткий список» станет известен 4 ноября, а имя победителя объявят в январе 2011-го — по правилам премии победителя определяют в ходе публичных дебатов.

Дорогие мои издания

В декабре этого года аукционный дом Sotheby's выставит на продажу книги, которым, возможно, суждено войти в список самых дорогих в истории. Одна — полный экземпляр первого издания книги американского орнитолога и художника-натуралиста Джона Джеймса Одюбона «Птицы Америки». Формат, в котором было выпущено уникальное издание, сам Одюбон называл «double elephant folio» — каждая страница имеет 127 сантиметров в высоту. Книга содержит 435 раскрашенных вручную оттисков гравюр размером 90 на 60 сантиметров — представители американской пернатой фауны изображены на них в натуральную величину. Всего было выпущено около 200 гигантских книг, на сегодняшний день известно о существовании 119 полных экземпляров «Птиц Америки», причем лишь 11 из них находятся в частных коллекциях, так что появление такой книги на рынке — настоящая сенсация. Выставленный на торгах в Лондоне экземпляр из собрания барона Фредерика Фермор-Хескета предварительно оценен в 6,2–9,2 миллиона долларов. Еще одна книга — возможный рекордсмен — редчайший экземпляр первого издания пьес Уильяма Шекспира, предварительно оцененный в 1,6–2,3 миллиона долларов. До наших дней дошли лишь 219 из 750 экземпляров этой книги, выпущенной в 1623 году.

Выбор редакции

1 На уроках истории одно его имя наводит на маленьких пятиклассников ужас. Чингисхан... Звучит страшно, дико и красиво, а означает — владетель мира, великий хан, всемогущий и всевластный. Монголы, жившие в войлочных юртах, вручили ему свою судьбу, Исай Калашников сделал его главным героем своего огромного исторического романа, который написал в 1978 году.

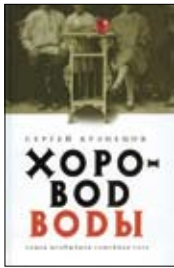
Калашников И. Жестокый век. М.: ОАО «Типография «Новости», 2010. — 976 с. ил.

2 Эту сказку Фэнни Флэгг ее американские читатели любят даже больше, чем прославленные «Жареные зеленые помидоры в кафе "Полустанок"». Итак, в маленьком-маленьком городке Элмвуд-Спринс жила маленькая-маленькая девочка, которую все звали просто Малышка. Как раз у таких девочек чаще всего и бывают большие-большие тайны...

Флэгг Ф. Добро пожаловать в мир, Малышка! / Пер. с англ. Д.Крупской. М.: Фантом Пресс, 2010. — 576 с.

3 Если вам нет сорока, эта книга вам может, и понравится, но поймете вы в ней далеко не все. Она написана нашим ровесником, про нас и для нас. В ней есть любовь к молодым девушкам и черные пучины запоя, успешный бизнес и муки творчества. И стилизация под Аксенова, Стругацких,

Кузнецов С. Хоровод воды. М.: АСТ, Астрель, 2010. — 608 с.

СТАЛИК ХАНКИШИЕВ

персона

«Земля родила еду.
Еда родила истории»Беседовала
Вера Бройде

Может ли книга чему-то всерьез научить? В том смысле, к примеру, чтобы выученное по ней блюдо получилось вкусным? Сталик Ханкишиев — кулинар, писатель и фотограф — начинает свою вторую книгу «Казан, баран и дастархан» с того, что отвечает на такой вопрос отрицательно. Потому что «кулинарные знания должны передаваться из рук в руки». А кроме того, что вообще значит «вкусно»? Говорят: «вкусный текст», «вкусная музыка», «вкусный плов». Сталик Ханкишиев рассуждает вместе с «КО» о блюдах и словах, о кулинарии и литературе.

— Кто лучше всех писал о еде? Если искать среди авторов художественной литературы, а не поваренных книг, даже таких замечательных, как Вильям Похлебкин?

— Есть гениальный пример: книга о еде, которая лично меня спровоцировала не только на то, чтобы готовить, но на то, чтобы писать об этом, — пытаюсь сделать это также захватывающе и познавательно. Это книга Александра Гениса и покойного Петра Вайля «Русская кухня в изгнании». Если правильным научным языком написать книгу о правильном здоровом питании, то ее, скорее всего, постигнет печальная участь полного забвения. О еде надо писать так, чтобы это увлекало, чтобы провоцировало на активные кулинарные действия.

— В ваших книгах самое чудесное — переплетение историй людей (таких живых и настоящих, даже если их уже и нет на свете) с реальностью, тоже живой и настоящей, которая рядом и в которой нужно приготовить плов. И вот, пожалуйста, рецепт.

— Я вам расскажу про эти истории. Знаете, кто является главным героем в книге? Плов? Или другое блюдо? Нет, главный герой — это читатель. И мое воплощение метода «социалистического реализма» заключается в том, чтобы именно он, читатель, прочитав ее, перевернув 464 страницы и захлопнув, стал другим человеком. Каким? Пока не знаю. Чтобы он перестал есть один только мамин борщ или пельмени? — Нет, я же не фашист. Моя цель, чтобы каждый мой читатель стал осмысленнее относиться к питанию.

— А вы сами изменились, когда писали книгу?

— Да, конечно, очень! Я меняюсь, мои мнения меняются, опыт накапливается. Хотя, разумеется, я не знаю о еде всего. Но все о еде никто не может знать — только разве что совокупность всего населения земного шара плюс те поколения, что жили прежде нас. Кулинария — это бесконечная сфера знаний. Вокруг котла с супом строится семья. Любовь? Уважение? Люди все это придумали относительно недавно. На самом деле, жить семьей просто удобнее и экономнее. Все собираются вместе, чтобы поесть, и именно здесь, за столом, зарождается иерархия. Конечно, многое находится в зависимости от того, где, в какой среде живет семья. Потому что среда оказывает огромное влияние на людей и на ту еду, которую они готовят. Вот почему в моей книге истории и фотографии занимают такое важное место: они погружают читателя в среду, заставляют полюбить ее или восхититься, сказать: «Вот это земля!». Земля

родила еду. Еда родила истории. Истории родили книги. Так получилось, что в кулинарной книге нашлось место литературе. Ведь просто сборник рецептов не может считаться литературой. Да и сам по себе ни один сборник рецептов не интересен, если за ним не стоит личность.

— И кулинарию, и литературу часто делят на мужскую и женскую. Как вы думаете, это всего лишь заблуждение, которое немного нелепо объединяет два ремесла, или нет?

— Во время приготовления еды люди используют руки, нос, вкусовые рецепторы, глаза, а более развитые личности используют еще и мозг. Ни один из перечисленных органов, отвечающих за те или иные чувства, не является гендерно-обусловленным. То, что может приготовить мужчина, — точно также может приготовить женщина. И наоборот.

— Но название вашей первой книги — «Казан, мангал и другие мужские удовольствия»...

— Но это была провокация — абсолютно необходимый, по моему мнению, элемент книги! Вот смотрите, во второй книге провокация заключена не только в названии, но и в обложке. Если же говорить о том, для кого первая или вторая книга предназначены, то, полагаю, в равной степени и для мужчин и для женщин. И если говорить о настоящей кулинарии — не высосанной из пальца, а той, за которой стоит историческое прошлое, традиции — скажем, народной кулинарии, то она состоит из блюд, которые одинаково едят и мужчины и женщины. Наверное, так и в литературе.

— А вообще — что между ними общего?

— Я никогда об этом не думал. Я всегда предпочитал сравнивать кулинарию и музыку.

— Тогда давайте я буду называть черты, которые могли бы их объединить, а вы комментировать. Что скажете, например, про эфемерность?

— Думаю, нет. Эфемерность не подходит ни для кулинарии, ни для настоящей литературы. Взять, скажем, такое блюдо, как плов, — оно похоже на дерево: глубокие корни уходят вниз (это богатая история), а могучие ветви расходятся в разные стороны (потому что плов по-разному готовят в Узбекистане, Азербайджане, Армении). В общем, это что-то крепкое, постоянное, совсем не эфемерное.

— Такое качество, как красота, годится?

— Вполне.

— А бывает ли так, что очень вкусная еда выглядит страшно непривлекательно?

— Конечно, сплошь и рядом. Но это, пожалуй, как с человеком, у которого есть кра-

сота внешняя и внутренняя. Еда может быть прекрасна своей внутренней конструкцией, гармоничностью, не всегда заметной глазу. Либо она может казаться красивой, но быть всего-навсего съедобной, не больше.

— В русской кулинарии был золотой век, каким в литературе стало XIX столетие?

— Он еще не настал, но сейчас как раз складываются все условия: старое разрушается и есть предпосылки для создания нового. Потому что люди уже хотят питаться вкусно, а пока нечем. Сейчас переломный момент: рухнуло старое, советское сельское хозяйство, а новые экономические условия наравне с изменившимся гастрономическим ландшафтом диктуют новые правила для российской кулинарии. На нефть и газ можно, конечно, купить что угодно — итальянскую муку или бальзамический уксус. Но если не будет нефти и газа, мы станем питаться тем, что растет здесь, рядом, местными локальными продуктами. Той русской кухни — доколхозной, народной, которая когда-то была, — уже не вернуть. Она держалась на русской печи, вокруг которой крутилась вся жизнь, ведь ею пользовались 9 месяцев в году. И хотя сейчас люди снова возвращаются в деревни, строят там дома, пригородные коттеджи и дачи, для печи места уже не находят. А если вдруг кто-то и построит ее — не сумеет правильно использовать. Традиция утеряна. Теперь есть газовая плита, на которой стоят сковородки. Хорошо это или плохо? — однозначно не ответить: тут и плюсы, и минусы. Но я считаю, что любой живой организм должен развиваться, а значит — меняться. Если в кухне приживаются те блюда или методы их приготовления, которые 20 лет назад казались немыслимыми, то это не плохо. Это называется адаптация.

— Давайте вернемся к нашему списку. Как насчет наслаждения?

— Конечно! Еда доставляет огромное наслаждение: как физиологическое, так и эстетическое. И литература тоже. Употребление еды — это единственное физиологическое действие, которое человек предпочитает совершать в обществе себе подобных. Ради всего остального он, как правило, уединяется.

— Но ведь многие за едой молчат, не любят, когда их отвлекают, потому что это может помешать им в полной мере оценить вкус блюд.

— О, это ужасно! В литературе такое несчастье было описано еще до нашей эры царем Соломоном, примерно так: «Нет большего зла под солнцем, чем человек, который

вынужден питаться в одиночестве: за закрытыми окнами, дверями и, главное, в раздражении». Это беда, боль! Людям надо питаться в компании. И литературе в этом отношении до кулинарии далеко. Литературные чтения, к примеру, — явление гораздо реже встречающееся, чем чтение индивидуальное. Когда мне кто-то читает стихи или повесть — даже если он делает это мастерски, — я все равно чувствую, что мне навязывают чужое восприятие, лишают меня свободы выбора, выбора тех образов, которые живут в тексте. Все равно что герой Чаплина, который попал на завод Форда с автоматизированной столовой: он тянется за стаканом чаю, а механизм тычет в его зубы кукурузой. Когда человек ест в компании, процесс еды не выглядит так комично, ведь он свободен: может выбрать салат, может рис, разломить хлеб и обмакнуть его в заправку из оливкового масла, или даже не притронуться к нему, а взять кусочек сыра или рыбы.

— Очень многие писатели берутся за сочинение, чтобы преодолеть что-то в себе — как бы победить, высказав все на бумаге. То есть они отчасти принимают за дело в плохом настроении. В большинстве книг о кулинарии шеф-повара настаивают: ни в коем случае не начинайте готовить, если вы не в духе — это обязательно отразится на результате, еда впитает негатив. Что вы думаете о таком противопоставлении?

— Ну, когда уверяют в том, что еда впитывает в себя негатив, это напоминает разговоры про энергетику. Бог мой, о какой энергетике речь? Гидроэнергетике? Теплоэнергетике? Может быть, атомной? И кто ее, эту энергию, может измерить? Однажды я был жутко разозлен, но блюдо от этого не пострадало. А вот если кто-то скончался, люди всегда устраивают поминки, готовят еду, явно находясь в удрученном состоянии. Но ведь готовят, и сердце их тем успокаивается!

Другое дело, зачем люди принимают писать книги. Я могу сказать о себе: 10 лет назад я принялся за это дело из-за недостатка общения (очень многие тогда покидали Фергану, где я жил) и для того, чтобы пережить очень тяжелую потерю (у меня умер отец). Теперь собеседников предостаточно, но привычка писать, вероятно, осталась. Я чувствую, что то, о чем я пишу, кому-то просто улучшает настроение или приносит пользу. Я понимаю, что достиг того, чего хотел, когда узнаю, что человек встал и приготовил настоящий плов.

4 «Ленд-Лизовские» — неоконченный автобиографический роман, позволяющий познакомиться с совсем маленьким Василием Аксеновым и его причудливым миром — миром детства и Второй мировой войны. И еще одного неожиданного Аксенова помогут открыть короткие предисловия коллег и друзей писателя, каждый из которых постарался вспомнить об авторе что-то очень личное и доброе.

Аксенов В.
Ленд-Лизовские.
М.: Эксмо, 2010. — 256 с. — (Остров Аксенов).

5 Ее Величество Королева Великобритании Елизавета II, как известно, очень любит своих собак-корги. Но Алан Беннетт предположил, к чему ее может привести любовь к чтению. Финал этой истории оказался и неожиданным и предсказуемым одновременно, поскольку известно, что человек читающий начинает думать о таких вещах, о каких раньше и не догадывался...

Беннетт А.
Непростой читатель / Пер. с англ. В.Кулагинной-Ярцевой.
М.: Издательство Ольги Морозовой, 2010. — 168 с.

6 Один раз Жозе Сарамагу уже поиграл с Библией, написав «Евангелие от Иисуса». Завершая свой земной путь, он создал еще один удивительный философский апокриф, историю самого первого убийства и диковинного договора «о разграничении ответственности за смерть Авеля». Или не такого уж диковинного?

Сарамагу Ж.
Каин / Пер. с португ. А.Богдановского.
М.: Эксмо, 2010. — 240 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

7 Альбом издан по материалам Государственного музея архитектуры им. А. Шусева. В книге представлены малоизвестные проекты и эскизы таких архитекторов, как сам Шусев, И.Фомин, В.Шуко, И.Рерберг, братья Веснины, К.Алабян и другие. Книга охватывает период с середины XIX века до нашего времени, соответственные в ней и иллюстрации.

Архитектурное путешествие по железной дороге: Альбом проектов, эскизов и фотографий.
М.: Студия "4+4", 2010. — 280 с. — ил.